

А.Е. ЧУЧИН-РУСОВ

Феноменология сопряжений.

Природа: Человек: Культура: История*

Последовательность *четверницы* названных в заглавии общих понятий структурирует своего рода единый *голографический* модуль. Последний отражает отношение между отдельными природно-культурными феноменами, их совокупностью в тот или иной исторический момент и сам культурно-исторический процесс [1, 2], а также многочисленные переменные модусы соотношений, взаимоположений, взаимоотражений, взаимоподчинений Природы и Человека, Человека и Культуры, Культуры и Истории. Подобного рода связи и взаимодействия в их интегративных формах неисчерпаемы, однако и при рассмотрении этой макросистемы в генерализованном виде общее количество символизирующих их точек должно быть на самом деле увеличено, чтобы компенсировать отсутствие прямой и обратной связи между крайними элементами этого ряда, обозначить потенциальную их способность радикально влиять на состояние всей системы.

Здесь важно наметить не просто совокупность значений и знаков, символизирующих в виде конечного линейного ряда некую сложноподчиненную зависимость, но выявить также противоположное: дать зрительно-смысловой образ Единого, диалектически сочетающий в себе *архетипически* цельное, *антитетически* противоречивое, *голографически* взаимообусловленное и *циклически* замкнутое в полном соответствии с четырьмя выделенными курсивом основными признаками, конституирующими всякое природнокультурное явление, а также природу и культуру в целом.

Количество связующих элементов, изображенных точками и графически объединяющих названные понятия в системе избранных символов, нужно увеличить, таким образом, с шести до восьми: «природа : человек : культура : история», чтобы две одиночные дополнительные точки означали потенциально наличествующие связи-валентности, как это принято в органической химии для обозначения неспаренных электронов. Современная универсальная модель этих пронизывающих весь материальный мир элементарных частиц, выполняющих функцию связующих, предусматривает их бинарное, т.е. парное, сосуществование, тогда как неспаренные электроны неизменно проявляют повышенную активность и всегда готовы образовать валентную пару, т.е. новую связь - в данном случае, очередное "двоеточие", ковалентно (со-чиненно, равно-правно) объединяющее (спаривающее) первый и последний члены этого ряда. При этом неустойчивый четырехчленный "бирадикал" в силу даже одних только энергетических причин трансформируется в устойчивый четырехчленный цикл.

Обычно подобные структуры изображают в виде соответствующего цикла с вписанным в него кругом, означающим *сопряженность*, т.е. равноправное сосущество-

---

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках исследовательского проекта "История мировой культуры: концепция единого поля".

Рис. 1. Способы символического изображения сопряженных химических структур

вание всех элементов цикла и равномерное распределение энергетических характеристик. Именно такое изображение принято в химической символике, приемнице алхимической культуры, которая, в свой черед, наследовала универсальную архетипическую символику Древнего мира. И хотя построение данной модели основано на современных квантово-механических представлениях, с основами которой знаком сегодня каждый школьник (см. рис. 1), она несет в себе все родовые культурные черты древнейших цивилизаций.

Такие знакомые по школьным учебникам химии структуры подразумевают плюралистический, неоднозначный характер существования каждой из них, допускают наличие разных вариантов в пределах заданного той или иной общей формулой инварианта, что обуславливает как многообразие природного мира, так и разнообразие культурно-художественных явлений. Наиболее наглядно и ярко этот инвариант проявляет себя, например, в рамках какого-либо культурно-художественного стиля. Не только внешне, но и своей содержательной сутью они подобны архаическим пиктограммам, допускающим возможность интерпретации на любом языке, прочтения их как слова, синонима этого слова, словосочетания, предложения с различными вариациями смысла или нескольких предложений, что характерно для любой универсальной символики. Именно с этим обстоятельством были связаны восходящие к XVI веку типично алхимические по своей общекультурной интенции попытки создать подобное пиктограммам универсальное средство общения для преодоления барьеров естественных языков ("неоглифы" Ал. Бати, "пикто" Х. Енсена и др.) [3].

В том же содержательно-смысловом ряду находятся и имеющие характер сопряженных структур циклические универсальные символы мироустройства: древнекитайский графический символ инь-ян и буддийская мандала. В связи со сказанным в памяти интересующихся проблемами мировой культуры современников могут всплыть и образцы древнегреческой "авангардной" поэзии, конструируемой в виде строк-шариков, строф-яиц и т.д. [4], а также примеры гораздо более поздней "видео-поэзии" Г. Аполлинера и его многочисленных последователей.

К изобразительным символам-идеограммам, отражающим прежде всего макрофеноменологию сопряжений, относится и современная макромоделю "мирового яйца" культуры [5], названная так по аналогии с ключевым для архаической символики образом "мирового яйца", с помощью которого древние объясняли происхождение мира [2]. Четырехчастный аналог этой модели, внутренние границы которого структурируют графический образ культурного архетипа (п), представляет собой правильную четырехконечную звезду, получаемую графическим объединением зеркально перевернутых гендерных символов W и M [6]. Изображение этого четырехчастного аналога также сродни изобразительной модели одной из первичных структур, отвечающих гибридованно-сопряженным состояниям микромира в интерпретации современной квантовой химии (см. рис. 2). Подобное совпадение моделей, голографически отражающих друг в друге макро- и микрокосмическое, характерно как для архаически-антично-средневековых миропредставлений, так и для современного научного знания, в частности для космофизики [7, 8].

Гибридованно-сопряженные состояния в энергетическом отношении предпочтительны и более устойчивы, чем состояния несопряженные, что и обуславливает их

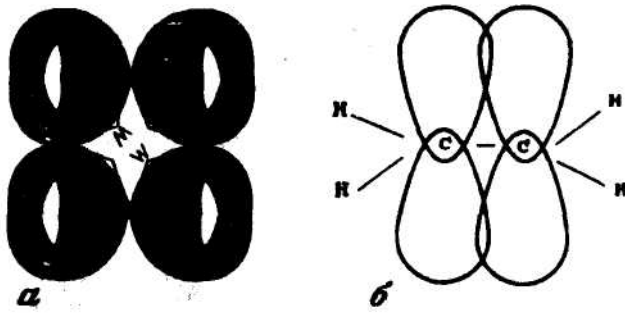

Рис. 2. Квадромодель, построенная на основе макрофеноменологической модели "мирового яйца" культуры и воспроизводящая объединенную гендерную модель амбивалентного культурного архетипа W - M(п) (а), и микрофеноменологическая модель гибридованно-сопряженной структуры молекулы этилена (б)

природно-культурный универсализм, тогда как циклические структуры, позволяющие получить, как правило, максимальный энергетический "выигрыш" или достичь, если речь идет о культурном феномене, предельно возможного "культурного объема", максимальное значение которого соответствует амбивалентному культурному архетипу, всегда предпочтительнее их линейных аналогов. Плосколинейное способно вместить меньшее количество многовариантной генетической информации, чем объемно-циклическое, и не случайно биохимическая основа жизни — молекула ДНК — представлена именно двойной объемной полициклической спиралью, а не какой-либо другой полимерной молекулой, имеющей геометрию иного типа.

Феноменология сопряжений тесно связана с синергетикой - междисциплинарным направлением, изучающим закономерности самоорганизации и самодвижения разнообразных систем, в основе которых лежат кооперативные эффекты. Немецкий физик-теоретик, профессор Штутгартского университета Г. Хакен, давший название этому направлению во второй половине 1970-х годов и являющийся одним из его основоположников, приводит широкий спектр областей, с которыми он связывает это понятие: физика, метеорология, химия, электротехника, авиа- и ракетостроение, биология, прикладная математика, экономика, экология, социология, пространственные структуры [9].

Уже сегодня этот список, включающий в основном естественнонаучные дисциплины и технику, может быть заметно расширен за счет областей, традиционно причисляемых к сферам искусства (музыка [10], изобразительное искусство, литература) и гуманитарных наук (языкознание, литературоведение, искусствоведение, история, политология, культурология, философия), а также областей междисциплинарного знания, естественно *сопряженных с искусством понимания* самых разных культурных явлений и их структурных моделей [4, 7]. Циклический характер тетрадического комплекса "природа : человек : культура : история", рассмотренный, например, применительно к четырем базовым экологическим парадигмам культурной истории¹, достаточно внятно может быть интерпретирован также с точки зрения *сопряженно - синергетических* взаимодействий.

Связь между представлениями о сопряженных процессах и состояниях, с одной стороны, и основными представлениями синергетики, с другой - наглядно иллюст-

¹ При этом в качестве четырех базовых парадигм, определяющих отношение человека к природе, рассматриваются следующие: 1) человек как часть природы (архаика, древние культуры); 2) взаимоотношения с природой по принципу "справедливости" (античность, средневековье); 3) природа как объект подчинения и утилитарного использования (Возрождение - XX век); 4) парадигма Великого возвращения с ориентацией на первые две из перечисленных парадигм.

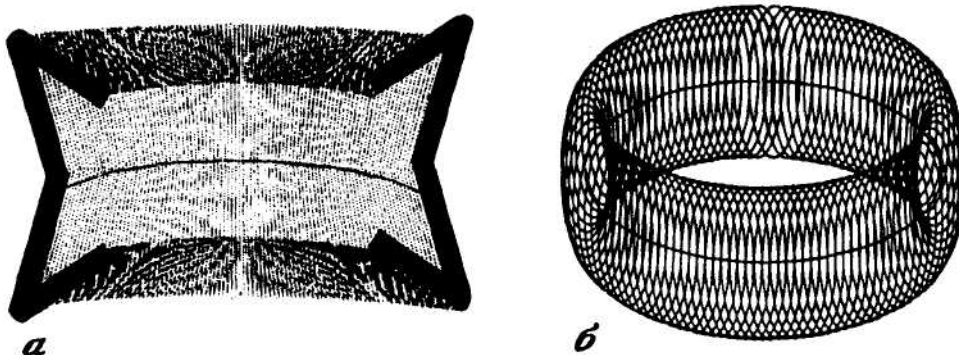

Рис. 3. Тороподобный фрагмент "мирового яйца" культуры в разрезе, характеризующий сопряженную взаимообращаемость дифференцируемых культурных состояний W и M [5] (а) и иллюстрирующий синергетический характер самоорганизации систем тор как дифференцируемое разнообразие из монографии Хакена [9, с. 51-53] (б)

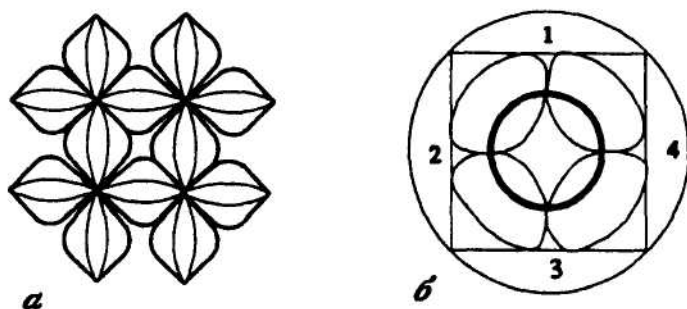

Рис. 4. Построенная по четверичному принципу сопряженная модель из монографии Хакена [9, с. 28], характеризующая поведение плазмы и имеющая первостепенное значение для разработки термоядерных установок и других областей, в частности для астрофизики (а), и плоскостная четверичная модель, отражающая гармонический характер культурных сопряжений и построенная на основе формализованной планиметрической квадромодели "мирового яйца" культуры (см. рис. 2) (б)

рирует сравнение изобразительных моделей сопряженных состояний с графическими моделями, приведенными в монографии Хакена (см. рис. 3,4).

Чтобы полнее раскрыть и унифицировать культурно-смысловой объем "восьмеричной четверицы" (четыре слова и восемь сопрягающих их связующих элементов-точек)², следует, очевидно, заменить слишком конкретные для данного контекста, разнородные по смыслу и потому отвлекающие от главной темы слова "природа", "человек", "культура", "история" их более абстрактными и лаконичными символами, например начальными буквами этих слов, структурировав таким образом некий неологизм - аббревиатуру ПЧКИ, смысловое наполнение которой должно приближать ее к наиболее универсальным и потому не исчерпываемым какими-либо словами и выражениями культурным символам.

Наряду с девальвацией культурно-смысловых наполнений отдельных слов в ходе становления новой цивилизации, универсальная культурная символика все более отступала на второй план, и один из парадоксов нововизилизационного сознания

² Очевидная неадекватность обозначаемой четверицы и отображающей ее структуру восьмеричности связующих элементов имеет глубокие культурные корни, обнаруживаемые уже в ранней античности (пифагорейская математика), когда одни числа выражались с помощью других и их значения определялись лишь культурным контекстом (см., например [1], а также [11]).

состоит в том, что введение в социокультурный оборот той или иной символики зачастую вовсе не определяется заключенной в ней универсально-смысловой значимостью. Средства массовой информации с их способностью тиражировать и постоянно воспроизводить в огромных количествах всевозможные неологизмы-символы обеспечили быстрое привыкание к таким, например (тоже, кстати, четверичным), аббревиатурам, как СССР, КПСС, НАТО, хотя куда более универсальный и емкий в смысловом отношении символ, сопрягающий также четыре элемента, - АТГЦ (аденин, тимин, гуанин, цитазин) известен до сих пор разве что узким специалистам-биохимикам. А это - четыре азотистых основания, обуславливающие биохимическую специфичность четырех типов нуклеотидов, из которых построена полимерная молекула, символизируемая ничуть не более благозвучной аббревиатурой ДНК; они исчерпывают сам "алфавит жизни", охватывают все многообразие биологических видов и имеют самое сущностное, непосредственное отношение ко всему живому на Земле.

Невнимание к этому обстоятельству, свидетельствующее в том числе и о второстепенном его значении для современного сознания и выводящее саму проблему природно-культурного единства за рамки повседневных мыслей и чувств, в немалой степени способствовало возникновению, развитию и углублению экологического кризиса, который, являясь частью общекультурного кризиса, уже сегодня представляет реальную угрозу для самого существования Природы (П) и Человека (Ч). Таким образом, Культура (К), породившая представление об Истории (И), породила и двух культурных близнецов-антагонистов: один из них создал обладающие воистину природной мощью средства уничтожения природы и человека, другой же представил неопровержимые научные доказательства природно-культурного единства всего сущего и безумный характер действий своего зеркального двойника, что лишь подтверждает целостный, взаимообусловленный, циклически-сопряженный характер структуры ПЧКИ.

Древний мир не знал понятий "культура" (К) и "история" (И), но ему были ведомы такие понятия, как "жизнь" (Ж) и "любовь" (Л)³. Сакральная составляющая того, что позже назвали "культурой" и что всегда подразумевало интегральное, игровое (в интерпретации Й. Хейзинги [14]), изобразительно (но не фонетически) выразимое (И), предопределяла некогда императив бессловесного *поклонения, почитания и возвращения* того, что было даровано свыше, естественное сопряжение жизни с любовью к Богу, богам, мирозданию. *Это* пребывало одновременно в человеке и вне его, над ним. На протяжении тысячелетий культ (К) был постольку ритуалом, поскольку составлял интенцию (И) человеческой жизни (Ж), и слово "любовь" (Л) здесь следует понимать не только как имманентную способность, но и как высокое искусство (И) бытия, овладение которым требовало определенного *воспитания, образования, развития*, немалых душевных и духовных усилий.

Осмысление древнейших общекультурных циклически-сопряженных моделей, а также некоторых их позднейших аналогов заставляет признать, что они представляли

---

³ В общекультурном контексте понятия "культура" (К) и "история" (И) можно соотнести между собой аналогично понятиям "жизнь" (Ж) и "любовь" (Л). Слово "любовь", определяемое в толковом словаре В. Даля как "сильная... привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желанье, хотенье; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно", выражает, очевидно, нечто более идеальное и надвременное, чем слово "жизнь" - по Далю, существование, "обусловленное только питанием и усвоением пищи", требующее "произвольного движения и чувств". В определенном смысле культура может быть представлена "квинтэссенцией" (от лат. *quinta* - пятая сущность: пятый элемент наряду с водой, землей, воздухом, огнем у Аристотеля и "экстракт" всех элементов у Парацельса) истории. Такой же квинтэссенцией, т.е. основой, самой сутью жизни в ее культурных пределах выступает любовь, которая в мифе и древнейших системах философии предстает и космической силой, подобной силе тяготения, и одним из *четырех* возможных путей просветления, а в древнегреческой философии - строящей, сплывающей, движущей и соразмеряющей энергией мироздания (см.. например [12. 13]).

собой, скорее, некие комплексные кижли-модели или то, что мы сегодня можем понимать под ними с учетом хотя бы уже означенных выше ключевых слов и понятий, и дело тут не в большем благозвучии, очевидном при сопоставлении аббревиатур ПЧКИ и КИЖЛИ, но прежде всего в их различающихся смысловых наполнениях и соответствиях. В тех дополнительных сопряжениях, которые с особенной остротой дают знать о себе в условиях исторической необходимости замкнуть многовековой цикл, начало которого теряется в глубинах истории, когда представления о жизни (Ж) и природе (П), с одной стороны, и о человеке (Ч) как о существе, способном любить (Л), поклоняться и почитать - с другой, были неразделимы.

Собственно, понятие "любовь" (Л) как раз и составляет одно из главных смысловых наполнений третьего значения слова "культура" (К) (поклонение, почитание). Вот как говорится о том в Книге Книг: "Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто... Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... Когда... настанет совершенное, тогда то, что *отчасти* (выделено мной. - А.Ч.-Р.) прекратится... Теперь знаю *я отчасти* (выделено мной. - А.Ч.-Р.), а тогда познаю... Теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше" (1 Кор. 13:1,2,8,10,12,13).

Примерно о том же качественном состоянии, определяемом в библейском тексте словом *отчасти*, свидетельствует и нынешнее расщепленное на отдельные сферы, области, направления рациональное знание. Хорошо, однако, известный ныне и широко используемый в научных обоснованиях принцип неаддитивности, как и учет термодинамически необратимых последствий синергизма, заставляют постоянно иметь в виду, что взятые по отдельности элементы рассматриваемого *кижли-цикла*, как и элементы любой сопряженной системы, в энергетическом, смысловом, любом другом отношении обладают иными характеристиками, чем при нахождении в составе сопряженного цикла. Иные характеристики присущи, разумеется, и их арифметической сумме.

В силу тех же причин культурный амбивалентно-сопряженный архетип-инвариант всегда будет обладать несравнимо большим культурным объемом и, следовательно, большим культурным потенциалом, нежели арифметическая сумма соответствующих ему валентных кинетически действенных вариантов. То же можно сказать и о сопряженных кижли-моделях, если сравнивать их с любыми другими культурными моделями. В качестве таковых могут рассматриваться, например, *арифметические суммы* разнообразных культурных *событий* (А. Уайтхед).

Имея в виду нечто подобное и выбрав в качестве, казалось бы, очень простой (но на самом деле бесконечно сложной) модели слово, В. фон Гумбольдт еще 200 лет назад писал, что "невозможно представить подлинный смысл, совокупность всех объединенных признаков слова как определенную и завершенную величину" [15]. Архетипически-мозаическая природа культурных феноменов, восходящих от единиц языка или представлений, не всегда способных обрести даже более или менее точные лингвистические эквиваленты, к совокупным гештальтам, концептам, концепциям, теориям, мировоззрениям, по мере усложнения системы кооперативно-синергетических взаимодействий наращивает свою "статическую", потенциальную, внутреннюю (эйдическую) энергетику, снижая одновременно ее кинетически-действенные, материальные (меонические) проявления.

Все больший культурный объем при этом занимает все меньшее жизненно-физическое, профанное пространство, экстраполируясь в некий точечный энергетический сгусток, в нечто идеально-сакральное. Имена-названия трансформируются в метафорический образ, аллерию; аллерию - в символ; символ - в культурный архетип, макроформой которого выступает Слово, которое было "в начале" (Иоан).

1:1). Разреженное уплотняется. Словом становится "тесно", а мыслям - "просторно". Кинетическое преобразуется в потенциальное, перемещаясь из физического четырехмерного пространства-времени в невидимое, невнятное для чувственного восприятия *четвертое измерение* культуры. В такой пирамидальной сопряженной культурной модели все сходится в одной точке, что сближает ее с физической моделью "сбежавшейся" Вселенной, готовой взорваться и "разбежаться" снова, или с архаическим образом готового расколоться "мирового яйца". Подобный ступенчатый механизм культурного восхождения от простого к сложному, построенный по принципу культургенетического "конструктора", предлагает и современный американский исследователь Р. Докинс [16].

В качестве сопряженных ("солидарных") созидательных процессов, уравнивающих сопряженные же процессы деградации и противостоящих постоянному разрушению материи временем, которое "грызет вещи и оставляет на них отпечатки своих зубов" [17, с. 45], А. Бергсон рассматривал жизнь, творчество [18]. По Бергсону, они стремятся "подняться в том направлении, в котором, так сказать, падает материя" [17, с. 209], посредством многоступенчатого природно-культурного синтеза. Восходя от простого к сложному, от слова к словам, от "валентных", полярно ориентированных слов к их амбивалентным, многозначным конгломератам, *Homo culms* (человек культурный) вновь, возможно, вынужден будет вернуться к малому и простому - к культурному архетипу, своего рода атому культурного мироздания, на поверку оказывающемуся и самой сложной, неисчерпаемой, наиболее энергетически емкой из всех известных и мыслимых структур.

В историческом времени человечество движется как бы *от* архаического, но в то же время и к архаическому, что как раз и пытается отразить кижли-модель "мирового яйца" культуры, представляющая собой сопряженно-"солидарный" (Бергсон) макроцикл, формируемый в свой черед сопряжением двух сопряженных, зеркально-антитетичных, голографически подобных друг другу макроциклов. Так что во всех отмеченных случаях - и в тех, когда "старая" архаика встречается с "новой", и в тех, когда физическое качество переходит в химическое, химическое в биологическое, биологическое в надбиологическое, профанное в сакральное и наоборот, - мы неизменно имеем дело с синергетикой, с феноменологией сопряжений и метаморфоз, с ситуацией взаимопревращений противоположностей, с теми неаддитивно-метасистемными переходами, которые в конкретно-образной (мифологической, поэтической) или абстрактно-умозрительной (интеллектуальной) форме наличествуют едва ли не в каждом архаическом мифе, обсуждаются едва ли не всеми мыслителями древности и составляют основное содержание всех комплексных культурных универсалий, изобразительные формы которых удаётся обнаружить в древнейших культурах.

В этих критических областях, или точках бифуркации, как и в античных или современных представлениях об изоморфизме макро- и микрокосмического, обнаруживаются наиболее странные, непостижимые с профанно-логической точки зрения, воистину фантастические явления: бесконечно малое (точка) обретает свойства бесконечно большого (плоскости), неживое - живого, живое — одухотворенного. Частица проявляет себя как волна, а волна - как частица. С одной стороны, казалось бы, вполне однонаправленно текущее от прошлого к будущему историческое время, выйдя из архаических недр, сначала разгоняется, что можно наблюдать по резкому сокращению времени гендерных культурных переориентаций М - W (от тысячелетий для древних культур до десятилетий для новоцивилизационной эпохи [4]), а затем, в преддверии новой архаики, как бы останавливается, вновь становится неподвижным "временем без времени". С другой стороны, вполне "бренные", пребывающие в четырехмерном жизненном пространстве-времени, чувственно воспринимаемые культурные феномены проявляют загадочную способность перемещаться в лишенное пространственно-временных координат четвертое измерение культуры - *tetramensio culturae*.

Возвращаясь к тетрадическому циклу ПЧКИ как к одному из вариантов универ-

сально-комплексных кижли-моделей, еще раз отметим, что понимания отдельных смыслов составляющих эту аббревиатуру ключевых слов и их расширенных интерпретаций явно недостаточно для постижения смыслов их интегрированных совокупностей. Это следует уже из того, что изображения П, Ч, К, И; П + Ч + К + И; •П : Ч : К : И и образуемого самозамыканием последнего по типу "голова - хвост" четверично-восьмеричного цикла представляют собой принципиально разные структуры с различными объемно-культурными, культурно-смысловыми, культурно-энергетическими характеристиками и динамическими возможностями.

Язык, на котором записываются и прочитываются подобные символы, также играет существенную роль в их понимании. Владение основами современных естественнонаучных языков, как следует уже из сказанного, заметно облегчает его, и вполне очевидно, что обращение к другим языкам всегда будет способствовать углублению такого понимания. По-латыни, по-французски и по-английски русскоязычная четверичная аббревиатура ПЧКИ должна быть записана как NHCH. По-немецки - как NMKG. На итальянском языке она обретает, пожалуй, наиболее благозвучную форму - NUCS, что, казалось бы, не меняет существа дела, если не учитывать того обстоятельства, что каждый язык наполняет одни и те же понятия несколькими разными смыслами.

На латыни, например, слово *Natura* (Природа) означает еще и миропорядок, мир, вселенную, мироздание, первомерию, а слово *Historia* - исследование, изыскание, сказание и мифологию. К тому же многие словари расщепляют единое понятие "человек" по гендерному (мужеско-женскому) признаку, который способен так же структурировать представления и о культурных явлениях на основе единого классификационного принципа. Имея в виду Человека как генотипически-фенотипическую единицу, необходимо одновременно иметь в виду и всевозможные генетически-фенотипические совокупности людей - в пределе все Человечество (*Humanity* — англ.), представляющие собой макросопряженные системы, т.е. образования совсем иного рода.

Учет этих обстоятельств должен еще более расширить, усложнить и заметно изменить наше первое впечатление, изначальный гештальт, связанный с четверицей ПЧКИ, еще существеннее сдвинуть совокупный смысл образуемого ею кижли-цикла в сторону смысловых значений наиболее абстрактных образов, каковыми являются, например, архетипический образ "мирового яйца", лежавшего, согласно представлениям древних, в основе сотворения мира [19, с. 79].

Расщепление содержащего в себе все и вся (в том числе источник движущих сил и причины саморазвития) "мирового яйца" на небо и землю, пространство и время⁴ означало одновременно рождение мира профанного и исторического времени, конец "эпохи сновидений" и начало вавилонского столпотворения слов, возникших из осколков Первослова. Этот поистине космический катаклизм напрямую связывался переживавшим глубокий кризис архаическим сознанием с грехопадением, с превращением бессмертных, подобных богам людей в простых смертных, а сакральных, приравниваемых к богам тотемных животных - в житейский предмет охоты и истребления.

Таким образом, амбивалентный, циклический в своей самодостаточности, голографически вобравший в себя всю многомерную суть мироустройства (культурный) Архетип, "что Землю сотворил", который португальский поэт эпохи Возрождения Л. Камознс определил как "прекрасный, суверенный, совершенный" [20], расщепился вместе с "мировым яйцом" на множество профанных антигенетических валентных составляющих, характеризующихся совокупностью тех или иных мужских (М) или женских (W), "небесных" (M) или "земных" (W) признаков. И тот "строительный мате-

⁴ "Мировое яйцо" рассматривается здесь как наиболее значимый культурный архетип, эквивалентный культурному архетипу, встречающемуся в Библии под именем "Слово" ("В начале было Слово..." - Иоан. 1:1).

риал", с которым на протяжении тысячелетий имела потом дело культура, представлял собой поэтому некое подобие останков одного из вымерших ихтиозавров, по которым она же (культура) пытается теперь реконструировать свой изначальный образ и отыскать свое место среди других мировых сущностей.

Записывая, читая, произнося или воспринимая на слух такие слова, как Природа, Человек, Культура, История, мы имеем дело с такими же *не-оче-видностями*, какими являются и понятия Справедливость, Единство, Ответственность, Надежда. Г. Лейбниц тонко подметил, что "справедливости не видят так, как видят лошадь, но ее понимают не хуже, а скорее даже лучше" [21]. В. Одоевский вопрошал: "Есть ли что-либо неопределеннее слова «единство»?" [22]. Н. Бор полагал, что "слова «ответственность» и «надежда» в отдельности... мало поддаются определению" [23, с. 492].

Специфическая особенность абстрактных имен, заключающих в себе *не-оче-видный*, но умопостижимый смысл, состоит в том, что обозначаемые ими инварианты, структурно подобные амбивалентным культурным архетипам, неадекватны тем отдельным, зачастую обозначаемым ими же смысловым вариантам, или валентным значениям, которые инвариант потенциально вбирает в себя [24]. С подобной проблемой несоответствий мы сталкиваемся при рассмотрении конкретных историко-культурных явлений и культургенетических характеристик, обозначаемых одним и тем же именем (например, барокко, классицизм, романтизм, импрессионизм).

Валентные значения абстрактного имени, антитетически дифференцирующиеся, как и в случае культурных архетипов по схеме W - M., способны обретать различные смыслы, оцениваемые в условиях того или иного культурного контекста знаками "плюс" или "минус". Так, "сладкое слово" свобода (П. Элюар) в ином культурном контексте способно обрести смысл рациональной дихотомии: "свобода от" или "свобода для" (Э. Фромм) и даже выступить в своем откровенно негативном (или, во всяком случае, житейски заниженном) качестве как "свобода-катастрофа", "свобода-товар" (ибо всякая свобода имеет свою "цену"), "свобода безысходности" и "непосильный труд" ("вчерашний раб, уставший от свободы". - М. Волошин) [24]. В абстрактном имени-инварианте все эти значения циклически замкнуты друг на друга, сопряжены, подобно тому как это имеет место в четверичном сопряженном макрофеноменологическом цикле "природа : человек : культура : история". При этом целое становится голографическим подобием каждой из своих частей, тогда как каждая часть голографически (фасеточно) отражает смысл, форму и содержание целого.

Здесь действует тот же универсальный принцип дополнительности, который был использован Бором для объяснения не вмещающихся в рамки формальной логики закономерностей микромира. Тот историко-культурный факт, что немецкие языковеды А. Шлейхер и И. Шмидт, задолго до Бора создавшие антитетические лингвистические модели, которые оказалось возможным совместить [25], подготовили культурную почву для реализации этого принципа в физике, не обязательно объясняет, но естественно дополняет интересующий нас здесь фрагмент истории естествознания, тем более что физик Бор, рассуждая о понятиях причинности и дополнительности, касался и чисто лингвистических проблем: "Практическое применение всякого слова находится в дополнительном соотношении с попытками его строгого определения" [23, с. 398].

Принцип дополнительности имеет непосредственное отношение и к искусству ассоциаций, аналогий, к метафорическому мышлению, являющимся основой всякой творческой деятельности. Он же способен структурировать и смысловые междисциплинарные связи за счет сопряжений любых профессиональных языков и создаваемых на их основе моделей-образов.

Особую роль в общекультурных сопряжениях играют числа, наиболее обобщенно-абстрактным образом конституирующие общепhilosophические построения; описывающие природно-культурные и историко-культурные явления, в том числе их симметрично-асимметричный характер [1, 26]; а также структурирующие биологический и культурный аспекты смыслов, вкладываемых в понятие Человек и вклю-

чающих представление о "золотой пропорции" [1,5, 27], из которой Лосев выводит тождественность макро- и микрокосмоса, лежащую в основе миропредставлений античности [19, с. 230, 231].

Кротонец Эврит, ученик Филолея, по свидетельству Ямвлиха, говорит, например: *"«вот это есть число человека, это — число лошади, это - чего-нибудь другого»*. Аристотель пытается прояснить смысл сказанного Эвритом: «Вовсе не определено, каким образом числа суть причины субстанции и бытия. (Не определено, суть ли они причины) в качестве границ, подобно тому, как точки - (границы) величин и... какое число определяет (фигуру), как, например (по Эвриту. - *А.Ч.-Р.*), такое-то число (определяет фигуру) человека, такое-то лошади...». Александр комментирует это место (в тексте) Аристотеля так: «Пусть определением человека для круглого счета будет число 250, (определением) растения - (число) 360» [19, с. 86].

Заметим, что Александр, Аристотель и Эврит, чьи высказывания цитирует Лосев, рассматривают здесь общекультурную, философскую проблему "причин субстанции и бытия" на примерах объектов исключительно живой природы, ставя человека, лошадь и растение в один ряд, подразумевающий их сущностное структурное единство, подтвержденное почти 2,5 тыс. лет спустя биогенетическими данными, основанными на хромосомной теории наследственности и четырехмодульной (АТГЦ) химической структуре двухспиральной молекулы ДНК.

Примечательно, что Александр называет в качестве "чисел" человека и растения четные числа, что также отвечает бинарному механизму передачи наследственных признаков и четному количеству хромосом у человека (46). Не менее примечательной здесь представляется и фиксируется Аристотелем связь между внутренней сущностью (числом) и внешней формой (фигурой) объекта, свидетельствующая об императивной зависимости, взаимообусловленности формы и содержания. При этом в качестве формы у Аристотеля выступает фигура (человек, лошадь), а в качестве содержания - число (250 или 360 у Александра).

С точки зрения современных представлений вполне допустимо и обратное соотношение: в качестве формы можно рассматривать структуру-число, соответствующее строению молекулы ДНК, тому или иному хромосомному набору и т.д., а в качестве содержания - вид, тип, класс биологического объекта (человек, лошадь, растение). Подобная инверсия носит исключительно культурный характер, обусловленный, как и в случае любого природно-культурного феномена, голографическим подобием антитез, составляющих единство бинарного культурного архетипа "форма-содержание".

С помощью первых четырех чисел натурального ряда (пифагорейской четверицы) и кратных ей величин удастся структурировать абсолютное большинство абстрактных "имен" природно-культурных феноменов. Так, в контексте современного языкознания, которое в целом можно рассматривать как одну из наиболее универсальных и "продвинутых" моделей культуры, выделяются: 4 аспекта творческой деятельности человека и 8 групп функций, к которым относятся идеорефлексы (фразеорефлексы), выражающие различные реакции говорящего на всевозможные явления действительности [28]; 4 типа слов, различаемых по способу номинации [29]; 4 четверицы, положенные в основу лингвистической классификационной схемы [30]; четверица (4) как модуль описания образа человека по данным языка [31] и 4 принципа описания, "которые можно считать главными лингвистическими уроками XX века" [32]; 4 парадигмы, выделяемые в истории языкознания [33], и четверица (4) Крофта, проистекающая из взаимодействия двух видов сущностей и выведенная на основе данных более чем 100 языков [34].

Все эти числовые классификационные характеристики следует, видимо, считать столь же закономерными, как и то, что основу построений самых разных культурных феноменов структурирует не только четверица (первые четыре числа натурального ряда и прежде всего само число 4), но и кратные ей значения, естественно проис-

текающие из многократно (многоуровнево) бинарной сущности культурных явлений. Четверичный принцип положен в основу древнекитайской сложно-сопряженной системы 8 гадательных триграмм (начало 3-го тысячелетия до н.э.), охватывающей и отражающей, в соответствии с теорией "Книги перемен", весь мировой процесс, включающий 64 варианта возможных ситуаций, все виды взаимодействий света и тьмы, напряжения и податливости [35]. Та же четверица (4) положена в основу мифа о происхождении чисел [36], древнеиндийского строительного модуля и древнейших универсальных графических символов, классификаций древнеиндийского театра [37] и древнеиндийской медицины [38], осетинской традиции [39] и числовых классификаций некоторых народов Сибири [40].

Четверица, таким образом, может рассматриваться как своего рода голографический модуль природно-культурных феноменов, ибо всякий биологический объект содержит воспроизводимую в каждой своей части четырехмодульную же структуру молекулы ДНК [1], а всякий культурный текст (в широком смысле слова) - как "своеобразная монада", отражающая в себе все тексты данной смысловой сферы [41]. Выступая как неотъемлемая часть единой сопряженно-голографической системы, она "воспроизводит все тексты всех (обращающихся между собой) смысловых сфер" [42].

В свете сказанного сопряженная циклическая четверица ПЧКИ и ее *очевидные* модели (рис. 1, 2, 4) должны восприниматься как символы единого смыслового поля, единой интегрированной формально-содержательной структуры, вбирающей в себя все смысловые сферы Природы (Вселенной), Человека (Человечества), Культуры, Истории.

Чаще, однако, такой единый архетипически-амбивалентный цикл представляется в виде механистического набора разрозненных валентных "резонансно-стабильных" состояний (мультиплетов), наподобие тех, которые предложил для сопряженных химических структур американский физикохимик Л. Полинг.

Для структуры ПЧКИ подобную ситуацию можно представить в виде: ПЧКИ, ПЧКИ, ПЧКИ, ПЧКИ, где жирным шрифтом выделены активные участки, обычно составляющие тот или иной интересующий предмет исследования и на самом деле не существующие отдельно от других активных участков, присутствующих в других аналогах этой системы.

Линейно-механистическое классицистическое мышление предельно усугубило эту раздельность и изолированность вплоть до П, Ч, К, И, что привело к злокачественной в культурном отношении, генетически опасной мутации самого представления о едином мироустройстве, господствовавшего на протяжении тысячелетий. Это на несколько столетий позволило не только разделить, но и противопоставить Природу и Культуру, Человека и Природу. Что касается Истории Природы и Истории Культуры, то их стали рассматривать лишь как эволюционно-линейную последовательность тех или иных событий и состояний без учета антитетически-бинарной природы времени и пространства, а также их неоднородности, неизменно учитываемых архаически-антично-средневековым сознанием и на протяжении всего XX столетия постепенно возвращаемых в современный научный обиход.

Представления современной физики о пространстве и времени, развитие которых было стимулировано теорией относительности А. Эйнштейна, основаны на том же принципе сопряженного дуализма, что и релятивистские представления о волне-частице или о динамически-статистическом наборе резонансно-стабилизированных частиц в концепции Полинга.

Сегодня феноменология сопряжений охватывает широкий круг культурных моделей, сопрягающихся, в свой черед, с культурными моделями архаики (мифическое и профанное время) и античности (эйдос и меон). Прежде всего это модель четырехмерного физического пространства-времени, где пространство и время выступают как взаимобратимые сущности, и модель четвертого измерения культуры, сопрягающая единое, интегральное, симультанно-синкретическое, умопостижимое поле куль-

туры, существующее вне времени и пространства, с его антитетическим культурным двойником — профанным историко-культурным полем.

На представлении о симультанных сопряжениях основываются универсальная бинарная модель генотип-фенотип в современной биологии и универсальная модель синхрония/диахрония, давно уже используемая в языкознании и сравнительном литературоведении. На сопряженно-кооперативных эффектах основаны также синергетические модели Г. Хакена [9] и И. Пригожина [43], где в так называемых точках бифуркации стохастически (вероятностно) реализуется лишь один из двух возможных вариантов развития событий. Сюда же относятся философские построения четвериц А. Лосева [19] и М. Хайдеггера [44], теория S-матрицы и гипотеза бутстрапа Дж. Чу, согласно которой Природа (Вселенная) представляет собой динамическую сеть взаимосвязанных событий, обусловленных когерентной (согласованно изменяющейся во времени) системой, составляющие которой также когерентны [45].

Так мы вновь возвращаемся к образу голограммы, который в последнем примере сопряжен с образом бутстрапа (*bootstrap*). Это английское слово можно перевести на русский язык двояко: как "ботинки в капкане" (*boots-trap*) или как "стянутый ремнем ботинок" (*boot-strap*). В любом случае оно означает жестко детерминированную систему - "ловушку" для владельца обуви. Подобной "ловушкой" для цивилизационного сознания стало обеспечившее стремительный технический прогресс разрушение сначала самого природно-культурного сопряженного комплекса ПЧКИ, а затем и отдельных его (также сопряженных) составляющих. После эпохи Возрождения стала распадаться не только связь времен ("история"), но и связи "природа : человек" (см. сноску 1) и "человек : культура" [8].

Романтики (конец XVIII - начало XIX век) были, кажется, первыми в новой истории, кто стал рассматривать то, что несколько раньше назвали "культурой", как "вторую природу" (Гёте). Обратившись через головы своих предшественников к культурному наследию средневековья, они вновь попытались сопрячь общекультурные, религиозные, медицинские, физические, алхимические, биологические, философские, лингвистические понятия и представления в единый культурный космос. Именно их, дерзнувших через обращение к фольклору и синтез искусств восстановить распавшуюся связь времен, следует считать связующим звеном между архаически-антично-средневековой традицией и современным миром, стоящим перед трудной необходимостью преодолеть глубокий общекультурный кризис, дабы вновь замкнуть в единый, сопряженный цикл Природу, Человека, Культуру, Историю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чучин-Русов А.Е.* Культурно-исторический процесс: форма и содержание // Вопросы философии. 1996. № 4.
2. *Чучин-Русов А.Е.* Историко-культурный континуум: пространство и время // Философские исследования. 1997. № 2.
3. *Кондратов А.М.* Пиктография // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
4. *Чучин-Русов А.* Природа культуры // ОНС. 1995. № 6.
5. *Чучин-Русов А.Е.* Самопознание культуры ... // ОНС. 1997. № 5.
6. *Чучин-Русов А.Е.* Гендерные аспекты культуры // ОНС. 1996. № 6.
7. *Чучин-Русов А.Е.* Единое поле мировой культуры // Вестник РАН. 1996. № 10.
8. *Чучин-Русов А.Е.* Конвергенция культур. М., 1997.
9. *Хакен Г.* Синергетика. М., 1985.
10. *Горячкина Е.* Синергетика и творческая синергия как моделирование космических первообразов // ОНС. 1995. № 2.
11. *Чучин-Русов А.Е.* Тайна нумерологического кода седьмой главы четвертой Книги Моисеевой "Числа" // Материалы конференции "Квантитативные и нумерологические коды в культуре". М., 1997.
12. *Аверинцев С.С.* Любовь // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

13. *Философия любви*. В 2 т. Т. 2. М., 1990.
14. *Хейзинга Й.* Homo ludens. М., 1992.
15. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985. С. 365.
16. *Рикс-Марлоу П.* Культуры: мемы, темы, сцены и грезы // Каталог биосферы. М., 1991.
17. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 1909.
18. *Симаков К.В.* Теория конкретного времени А. Бергсона // Вестник РАН. 1996. № 1.
19. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
20. *Камюэнс Луис де.* Лузиады. Сонеты. М., 1988. С. 314.
21. *Лейбниц Г.В.* Сочинения. В 4 т. Т. 2. М., 1975. С. 305, 306.
22. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 133.
23. *Бор Н.* Избранные научные труды. В 2 т. Т. 2. М., 1977.
24. *Чернейко Л.О.* Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. 1994. № 4.
25. *Чучин-Русов А.Е.* Культурный плюрализм // ОНС. 1996. № 2.
26. *Кацис Л.* Апокалиптика "серебряного века" // Человек. 1995. № 2.
27. *Барбаро Д.* Комментарий к Витрувию. М., 1938.
28. *Гак В.Г.* Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4.
29. *Гак ВТ.* Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 466,
30. *Никитина Г.А.* К вопросу о классификационной схеме фразеологического словаря // Вопросы языкознания. 1995. № 2.
31. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
32. *Степанова Е.Б.* Хроникальные заметки о Международной научной конференции "Грамматические уроки XX века" // Вопросы языкознания. 1994. № 5.
33. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
34. *Подлесская В.И.* Рецензия на книгу *Groft W.* Syntactic Categories and Grammatical Relations: the Cognitive Organization of Information. Chicago-London, 1991 // Вопросы языкознания. 1994. № 5.
35. *Шуцкий Ю.К.* Китайская классическая Книга Перемен. М., 1993.
36. *Христофорова О.Б.* Нганасанский миф о происхождении чисел // Материалы конференции "Квантитативные и нумерологические коды в культуре". М., 1997.
37. *Алиханова Ю.М.* Числовые коды в индийской культуре // Материалы конференции "Квантитативные и нумерологические коды в культуре". М., 1997.
38. *Ковнер С.* История медицины. Ч. I. Киев, 1878. С. 82.
39. *Раевский Д.С.* Некоторые числовые данные в исторических свидетельствах. История, калькуляция, фольклор // Материалы конференции "Квантитативные и нумерологические коды в культуре". М., 1997.
40. *Новик Е.С.* Числовые классификации у некоторых народов Сибири // Материалы конференции "Квантитативные и нумерологические коды в культуре". М., 1997.
41. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 283.
42. *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 75.
43. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.
44. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
45. *Тарасенко С.* Открытое письмо тоскующим по научному материализму // Вестник РАН. 1994. № 11.

© А. Чучин-Русов, 1998